

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 93/94

Проекты по реформированию уголовно-процессуального права в Уложенной комиссии 1720-х гг.

¹Кушиков Е.А.,

¹Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Аннотация: настоящее исследование посвящено анализу проектов по реформированию судебно-следственной системы, разработанных в Уложенной комиссии 1720-х гг. Данное учреждение было создано для подготовки нового свода законов взамен устаревшего Соборного Уложения 1649 г. В центре исследования – вопрос о рецепции западноевропейского правового опыта, который рассматривается на примере разработки раздела «О процессе в криминальных, или розыскных и пыточных делах». В предлагаемом исследовании последовательно рассматриваются три редакции указанного раздела, включая проект немецкого юриста на российской службе Э. Кромпейна. Данный проект предлагал новаторскую для российской практики концепцию «признаков» – систему формальных и верифицируемых оснований для применения пытки. Анализ показывает, что несмотря на изначально критическое отношение членов Уложенной комиссии к западному правовому опыту и стремление опереться на знакомые источники права, концепция «признаков» была в итоге воспринята ими. Делается вывод о том, что рецепция западного правового опыта имела избирательный и методологический характер. Российские чиновники заимствовали на столько конкретные нормы, сколько принципы разработки правовых норм. Особенно в тех сферах (как, например, регулирование пытки), где осознавалась необходимость реформы.

Ключевые слова: Уложенная комиссия, уголовно-процессуальное право, реформа судебной системы, розыскной процесс, пытка, рецепция права

Для цитирования: Кушиков Е.А. Проекты по реформированию уголовно-процессуального права в Уложенной комиссии 1720-х гг. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 129 – 136.

Поступила в редакцию: 12 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

The drafts for the reform of criminal procedure in the Legislative commission of 1720s

¹Kushkov E.A.,

¹National Research University «Higher School of Economics»

Abstract: this study is devoted to the analysis of draft reforms for the judicial and investigative system developed by the Legislative commission of the 1720s. This institution was established to prepare a new law code to replace the outdated *Sobornoje Ulozheniye* (Council Code) of 1649. The research focuses on the question of the reception of Western European legal experience, examined through the lens of developing the section «On the Process in Criminal, or Inquisitorial and Torture Cases». The study sequentially examines three redactions of this section, including the draft by the German jurist in Russian service, E. Krompein. This draft proposed an innovative concept for Russian practice – that of *priznaki* (grounds for suspicion) – a system of formal and verifiable justifications for applying torture. The analysis shows that despite the initially critical

attitude of the Legislative commission's members towards Western legal experience and their striving to rely on familiar legal sources, the concept of *priznaki* was ultimately adopted by them. The conclusion is made that the reception of Western legal experience was selective and methodological in nature. Russian officials borrowed not so much specific legal norms but rather the principles of legal drafting and systematization, especially in those areas (such as the regulation of torture) where the need for reform was recognized.

Keywords: Legislative commission, criminal procedure, judicial reform, inquisitorial procedure, torture, reception of law

For citation: Kushkov E.A. *The drafts for the reform of criminal procedure in the Legislative comission of 1720s. Historical Bulletin. 2025. 8 (7). P. 129 – 136.*

The article was submitted: July 12, 2025; Approved after reviewing: September 10, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Сенатским указом от 8 августа 1720 г. при Сенат была создана Уложенная комиссия – временный государственный орган, чьей задачей являлась подготовка проекта Нового Уложения, кодифицированного нормативного правового акта, призванного заменить Соборное Уложение 1649 г., которое не учитывало многие законодательные новации [4, с. 85-98].

Актуализация Соборного Уложения 1649 г. не являлась в нач. XVIII в. новой проблемой для российского правительства. Известно, что в течение 1680-х гг. предпринимались попытки дополнить Соборное Уложение нормативными правовыми актами, изданными после 1649 г., для чего создавался целый ряд учреждений [10, с. 474-476]. Впрочем, осязаемого результата они после себя не оставили.

Уже при Петре I, в 1700 г. была создана Палата об Уложении [6, с. 1-20]. Результатом ее работы должен был стать «свод» изданных после 1649 г. нормативных правовых актов с Соборным Уложением – Новоуложенная книга. К 1703 г. работа по составлению Новоуложенной книги была завершена, однако она так и не получила одобрения царя. Затем, в 1714 г. при Сенате была создана специальная комиссия, возглавляемая сенатором Василием Андреевичем Апухтиным, который до того имел опыт работы в Палате об Уложении [6, с. 20]. Перед данным учреждением также стояла задача кодификации-компиляции. Однако результаты его работы остаются неясными. Как показал Александр Сергеевич Замуруев, делопроизводственные материалы, которые в историографии обычно принимались за наработки данной комиссии, представляли собой выписки, подготовленные в Поместном приказе по запросу из Юстиц-коллегии в 1718-1719 гг. [5, с. 102].

К концу 1710-х гг. у законодателя сложилась обновленная кодификационная концепция,

которая была гораздо шире простой актуализации Соборного Уложения 1649 г. Теперь решение виделось в создании кодифицированного нормативного правового акта, в котором были бы синтезированы нормы традиционного российского и европейского (прежде всего, скандинавского) права [6, с. 21]. Уложенная комиссия 1720-х гг. вела свою работу в рамках описанной концепции.

10 сентября 1726 г. руководитель канцелярии Уложенной комиссии Авраам Степанович Сверчков докладывал в Сенат, что был «изготовлен весь порядок, в каких книгах, главах Новому Уложению быть» [8, л. 44-45]. 11 ноября 1726 г. проект начали готовить к обсуждению в Сенате [2, с. 15]. Однако он так и не получил сенатской апробации и не приобрел статус закона.

Такая судьба проекта дала последующим исследователям основания считать, что работа Уложенной комиссии в 1720-е гг. завершилась полным провалом [15, с. 5]. В современной историографии эта точка зрения подвергнута сомнению. Так, Дмитрий Олегович Серов писал о проекте, созданном в Уложенной комиссии 1720-х гг., как одном из самых проработанных и законченных проектов среди разрабатываемых Уложенными комиссиями в XVIII в., выполненный на высоком уровне юридической техники [11, с. 399].

Одним из вопросов, касающихся проектов Уложеных комиссий нач. XVIII в. и привлекающих внимание исследователей, является вопрос рецепции европейских правовых норм. Согласно подсчетам Александра Сергеевича Замуруева, нормы Соборного Уложения 1649 г. служили источником для 15% статей проекта, шведское законодательство использовалось при подготовке 32% статей, еще 30% базировались на российских нормативных правовых актах, изданных после Соборного

Уложения [5, с. 313]. Исходя из полученных цифры, исследователь делал вывод о достаточно среднем влиянии западной правовой мысли на проекты Уложенной комиссии 1720-х гг.

Однако стоит заметить, что правовая рецепция является комплексной проблемой, для обсуждения которой недостаточно лишь количественных данных. В рамках настоящей статьи предпринимается попытка рассмотреть конкретные примеры применения западного правового опыта при разработке уголовно-процессуального раздела проекта Нового Уложения, созданного в 1720-е гг.

Материалы и методы исследований

Основной источниковой базы настоящего исследования являются материалы делопроизводства – проекты нормативных правовых актов, разработанные Уложенной комиссией 1720-х гг.

Разработанный к 1726 г. проект Уложения Российского государства состоял из 4 книг:

1. «О процессе, то есть, о суде, месте и о лицах, к суду надлежащих».
2. «О процессе в криминальных, или

в Уложенье | в Кормчей | в указах | в военных | в швецком | в дацком | сочиненное

Такое состояние источников позволяет проследить процесс складывание текста проекта, изменения, происходившие на каждом этапе, а также то, какую роль для разработчиков играл западный правовой опыт.

В рамках настоящего исследования указанные источники анализируются с опорой на формально-юридический и исторический методы.

Результаты и обсуждения

«Процесс сочинения Кромпейнова...» может рассматриваться как подготовительная документация для разработки уголовно-процессуального раздела будущего Уложения. Данный текст вносил предложения по регламентации всех стадий судебно-следственного процесса от процедуры возбуждения уголовного дела до приведения приговора в исполнение.

Проект Э. Кромпейна предполагал использование уголовного процесса розыскного типа. Центральным элементом такого типа уголовного процесса являлась пытка [14, с. 212].

В своем тексте Э. Кромпейн сделал попытку поставить возможность использования пытки (как и совершение прочих процессуальных действий) в зависимость от наличия у судьи

розыскных и пыточных делах».

3. «О злодействах, какие штрафы и наказания последуют».

4. «О цивильных или гражданских делах».

Уголовно-процессуальному праву посвящалась вторая книга – «О процессе в криминальных, или розыскных и пыточных делах». В архивном деле, хранящемся в 342-м фонде Российского государственного архива древних актов, фактически отложились 3 редакции данного текста:

1. «Процесс сочинения Кромпейнова о криминальных или розыскных делах» – проект уголовно-процессуального кодекса, разработанный немецким юристом на российской службе Э. Кромпейном на основе шведских, немецких и саксонских источников права.

2. Фрагментарно сохранившаяся первая редакция проекта.

3. Финальная редакция проекта, оформленная в виде таблицы, содержавшей перечень источников той или иной статьи проекта:

достаточных оснований. Применительно к пытке данные основания описывались через термин «признак». Сам Э. Кромпейн давал ему такое определение: «признак есть ознамение учиненного какого дела, которой основание правды показует» [9, л. 19].

Далее немецкий юрист давал классификацию «признаков» и описывал процедуру их верификации. «Признаки» делились на общие и особые. Общие «признаки» относились ко всем категориям дел. Первым и главным общим «признаком» являлись показания свидетеля о совершении подозреваемым вменяемого ему правонарушения [9, л. 20]. При этом «один свидетель свидетелем не почитаецца» [9, л. 20], а судья должен обращать внимание на репутацию свидетеля [9, л. 20 об.].

К общим «признакам» относились обнаружение на месте преступления вещи, принадлежавшей подозреваемому, угрозы в адрес жертвы, сведения о том, что подозреваемый «прихвалялся» совершить вменяемое ему деяние, след подозреваемого «в мягкой земли», обнаруженный на месте преступления, попытки подозреваемого уладить дело во внесудебном порядке [9, л. 21-21 об.].

В свою очередь особые «признаки» есть те, «которые не всем злодействам, но токмо некоторым приличны» [9, л. 21]. Так особыми «признаками» убийства являлись: присутствие подозреваемого на месте преступления, найденное у него оружие («окровавленная шпага») либо его оружие (можно достоверно установить принадлежность), найденное на месте преступления, подозрительное поведение рядом с местом преступления [9, л. 26]. Если жена утаила убийство мужа, она становилась главным подозреваемым в его убийстве [9, л. 26]. Особым «признаком» детоубийства были заявления женщины о том, что младенец уже родился мертвым либо умер при родах («младенец из чрева выпал наземь и таким образом до смерти убился»), и при этом отсутствие тела младенца. Для отправителя особым «признаком» были сведения о покупке или изготовлении яда. Но только в том случае, если он не сможет доказать, что делал это для законных целей [9, л. 27]. Для разбоя или кражи: обнаружение у подозреваемого пропавших вещей или попытка их продажи, неожиданно появившиеся у него богатство, законность происхождения которого он не может доказать, обнаружение в его жилище специальных инструментов для взлома [9, л. 21].

Таким образом, применение пытки ставилось жесткие четко определенные рамки. При этом нельзя сказать, чтобы пытка в существовавшей на тот момент практике розыскного процесса использовалась абсолютно произвольно. Однако Э. Кромпейн стремился придать этому вопросу большую системность.

Также, предложения немецкого юриста включали ответственность для судьи за безосновательную либо чрезмерно жестокую пытку [9, л. 46]. Кроме того, на пытке было запрещено задавать наводящие вопросы и вопросы, относящиеся к другим уголовным делам (по которым в отношении подозреваемого еще не были собраны достаточные «признаки») [9, л. 48].

Создание проекта Э. Кромпейна было завершено не позднее 1724 г. [3, с. 16-17]. После поступления на рассмотрение членам Уложенной комиссии он столкнулся с достаточно критическим и настороженным отношением.

Первая редакция второй книги проекта Уложения «О процессе в криминальных, или розыскных и пыточных дела» сохранилась фрагментарно. Вероятная причина тому – частые переезды Уложенной комиссии между Москвой и Санкт-Петербургом, которые отрицательно

сказались на состоянии ее архива [6, с. 19]. В сохранившемся архивном деле листы с первой редакцией помещаются между соответствующими местами текста Э. Кромпейна, что позволяет предположить, что работа над ней велась по мере рассмотрения предложений немецкого юриста.

При рассмотрении этой редакции становится заметно стремление заменить предложение Э. Кромпейна действующими российскими источниками права. Так, один из пунктов проекта должен был определять круг лиц, в отношении которых пытка не может быть применена ни при каких условиях – представители аристократии и высших чинов, старики, подростки и беременные женщины [9, л. 13]. В тексте Э. Кромпейна есть аналогичный пункт, однако члены Уложенной комиссии здесь предпочтитают опереться на «Краткое изображение процессов» – военно-процессуальный кодекс, впервые изданный в 1712 г. [13, с. 145]. «Сочиняемые» на данном этапе статьи проекта почти дословно цитируют этот нормативный правовой акт.

Так, Следующий «сочиненный» пункт ставит повторное применение пытки в зависимости от открытия в деле новых обстоятельств [9, л. 13]. Это полностью соответствует идее, высказываемой в проекте Э. Кромпейна. Однако сам пункт, очевидно, имеет своим источником шестой артикул шестой главы второй части «Краткого изображения процессов...» [2, с. 202].

Ряд статей первой редакции помещаются отдельно от «Процесса Кромпейнова сочинения...». Этим статьям предшествуют подготовительные выписки, по которым можно судить о круге источников, используемых разработчиками при составлении этой части нормативного правового акта. Он включает Соборное Уложение 1649 г., Новоуказные статьи 1669 г., Артикул воинский 1715 г., отдельные указы, касающиеся порядка утверждения приговора (от 21-го ноября и 4-го апреля 1722 г.), Прохирон («Грацкие законы»), шведские нормативные правовые акты и «Процесса Кромпейнова сочинения...» [9, л. 56-57]. Состав шведских источников права в документе не конкретизирован, однако, вероятно, он включал Уложение Кристофора 1442 г., переводы и выписки из которого делались еще в Юстицколлегии в 1718 г., Декрет о суде 1614 г., Градское Уложение 1618 г., Устав о наказаниях 1669 г. и Процессуальный устав 1695 г. Выписки и переводы из Градского Уложения и Процессуального устава делались Э. Кромпейном [16, с. 47].

Однако несмотря на такое разнообразие источников авторы проекта почти всегда отдают предпочтение двадцать первой главе «О разбойных и о татиных делах» Соборного Уложения 1649 г. В то же время статьи этой главы не воспроизводятся дословно – заимствуются отдельные каузы.

Так, помещенный в этой части документа артикул с порядковым номером пять устанавливает, что в случае отсутствия признания на пытке подозреваемый должен быть отдан «добрый поручиком» или отпущен под присягу [9, л. 58]. Его поручители в свою очередь несут ответственность за его дальнейшее поведение, а также несут ответственность в случае открытия новых обстоятельств, свидетельствующих о виновности обвиняемого.

Такой подход разработчиков первой редакции книги «О процессе в криминальных, или розыскных и пыточных делах», казалось бы, свидетельствует об их приверженности традиционным российским правовым нормам и нежелании заимствовать западный правовой опыт несмотря на общий подход к данному вопросу, сложившийся в правление Петра I. Впрочем, как представляется, все было несколько сложнее.

Во-первых, как было отмечено выше, из российских источников права авторы проекта использовали преимущественно Соборное Уложение 1649 г. и «Краткое изображение процессов...». Однако «Краткое изображение процессов...» не являлось традиционным российским источником права. Как указано уже в первой публикации данного текста в 1712 г., этот нормативный правовой акт был составлен «против римскоцесарских и саксонских прав» [12, с. 113–121]. Его источники – военное законодательство Саксонии, датская «Инструкция военным судам» 1683 г., а также шведский Устав воинского судопроизводства того же года. Источники российского права при подготовке данного нормативного правового акта не использовались [12, с. 115]. Более того, автором этого нормативного правового акта являлся все тот же Э. Кромпейн, который начал работу над ним вскоре после перехода на российскую службу.

Таким образом, активное обращение к «Краткому изображению процессов...» показывает, что при работе над уголовно-процессуальным разделом для членов Уложенной комиссии не играло определяющей роли противопоставление между заимствованием и традицией. Выдвигаемая гипотеза состоит в том, что авторы проекта предпочитали опираться на

уже существующие источники права, институты и механизмы, т. к. их практическая применимость была уже доказана. Напротив, практическая применимость предложений Э. Кромпейна не была такой уж очевидной.

Кроме того, обращение к «Краткому изображению процессов...» находилось в русле существовавшего в российском праве раннего Нового времени подхода, согласно которому лакуны в гражданском законодательстве могли закрываться с помощью привлечения военных нормативных правовых актов. В 1765 г. Сенат закрепил этот принцип: «ныне чего в военных процессах не достает, одолживаются гражданскими правилами, а чего в гражданских недостаточно, то заимствуют из военных процессов» [1, с. 30].

Во-вторых, предложения Э. Кромпейна на были отклонены полностью. Часть вошедших в финальную редакцию проекта артикулов, имеющих помету «ис прежняго сочинения» (т. е. перешедших в нее из первой редакции) представляют собой почти дословное воспроизведение текста немецкого юриста. Так в проект была перенесена разработанная им концепция «признаков».

«Из 3 главы 3 пункта прежняго сочинения» (у Э. Кромпейна это 3 глава, 4 пункт) давалось определение: «признак есть оскринование учиненного уже какова учинка, которой признак основание правды показует» [9, л. 214 об.]. Пятый пункт третьей главы «прежняго сочинения» воспроизводил деление «признаков» на общие и частные [9, л. 215 об.]. Затем, в соответствии с предложениями Э. Кромпейна, описывался процесс доказывания признаков.

Приводятся и сами «признаки». Общие – забытая подозреваемым на месте преступления вещь, следы, на месте преступления, принадлежащие подозреваемому, попытка подозреваемого заключить досудебное соглашение с пострадавшим (данные пункты помещались в третьей главе «прежняго сочинения») [9, л. 215 об.]. И частные – «признаки» фальшивомонетчества, поджигательства, кражи, разбоя, детоубийства и т.д. (они помещались в четвертой главе «прежняго сочинения») [9, л. 219 об. 220].

При этом кромпейновская концепция «признаков» не была механически скопирована разработчиками проекта. Во-первых, могли дорабатываться правила применения уже существующих «признаков». Так, согласно Э. Кромпейну и вслед за ним авторам проекта, «признаком» разбоя или кражи являлось обнаружение у подозреваемого имущества

потерпевшего либо попытка продать это имущество [9, л. 220, 224]. На данном этапе добавлялось положение, что такое имущество (личное) должно быть зарегистрировано соответствующим образом при подаче истцом челобитной. В противном случае личное теряло свою доказательную силу.

Во-вторых, могли добавляться новые «признаки». Так, общие «признаки» пополнились игнорированием призыва о помощи и отказом присоединиться к преследованию подозреваемого [9, л. 242]. В особых «признаках» появились «признаки» конокрадства, незаконного изготовления и продажи алкоголя и табака, ненадлежащее исполнение тюремщиками своих обязанностей, которое привело к побегу колодников [9, с. 244].

Можно предположить, что концепция «признаков» Э. Кромпейна оказалось для разработчиков проекта удобным инструментом, чтобы упорядочить применение пытки. Как было отмечено выше, российское право и правоприменительная практика того времени не предполагали, что пытка подозреваемого может применяться произвольно. Однако данному вопросу не хватало системности.

28 октября 1724 г. состоялось последнее заседание Уложенной комиссии, имевшее кворум [12, с. 155]. Разработка финальной редакции проекта осуществлялась силами канцелярии Уложенной комиссии, возглавляемой Абраамом Степановичем Сверчковым. Влияние предложений Э. Кромпейна на содержание проекта на данном этапе возросло.

Так, в финальную редакцию проекта было включено декларативное предисловие из «Процесс сочинения Кромпейнова...» [9, л. 150]. Определение функций пытки как следственного действия, категорий дел, в которых она применяется, и освобожденного от нее круга лиц излагается во второй главе в полном соответствии с предложениями Э. Кромпейна, дословно их воспроизведя [9, л. 154, 157].

Впрочем, большая опора на предложения немецкого юриста не означало механического копирования. Как и в случае с предыдущей редакцией текста, было продолжено экстраполирование концепции «признаков» на новые составы правонарушений. Так, критерий доказательной силы личного, зарегистрированного соответствующим образом, был распространен на ситуацию, когда предметом спора была лошадь [9, л. 221]. После покупки лошадь должны быть надлежащим образом зарегистрирована, что являлось единственным доказательством ее принадлежности, которое

могло приниматься во внимание судьей при вынесении решения о пытке. В качестве дополнительных оснований для подозрений называлось оставление места постоянного проживания без паспорта – оно могло служить дополнительным «признаком» к пытке при наличии других «признаков» [9, л. 329].

В то же время концепция «признаков» подверглась ряду ограничений. Во-первых, в финальную редакцию проекта было внесено положение, что обвинение, выдвинутое помещиком против своего крепостного, может рассматриваться как основание для пытки без сбора дополнительных доказательств [9, л. 117 об. 118]. Данный пункт вносился в соответствии с сорок восьмой статьей двадцать первой главы Соборного Уложения [7, с. 144]. Во-вторых, концепция «признаков» оказалась неприменима в делах о политических преступлениях, процесс по которым был вынесен в отдельную главу. Как представляется, это было связано с тем, что применение пытки в политических делах имело иную функцию, нежели в делах общеуголовных. Если в процессе по общеуголовным делам пытка имела цель подтвердить ранее собранные доказательства и добиться от подсудимого признания для последующего вынесения приговора, то в политических делах пытка была инструментом получения новых показаний, открытия новых обстоятельств дела и подозреваемых [17, с. 207-208].

Вместе с тем несмотря на внесенные ограничения сохранялась магистральная идея, выдвинутая Э. Кромпейном и прослеживающаяся во всех редакциях текста проекта «О процессе...». Эта идея заключалась в необходимости введения стройной, детально регламентированной судебно-следственной процедуры, в рамках которой применение пытки будет поставлено в жесткие рамки – в зависимость от четких критериев.

Выводы

Анализ проектов по реформированию уголовно-процессуального права, разработанных в Уложенной комиссии 1720-х гг. позволяет в конкретике понять роль западного правового опыта в развитии российской юриспруденции в ранее Новое время. В процессе взаимодействия с европейской правовой мыслью большое значение имели заимствования методологического, а не смыслового характера. Напротив, российские чиновники предпочитали смотреть в сторону знакомых им российских источников права. Они осваивали не столько конкретные нормы, сколько принципы юридической техники и подходы к регулированию

определенных сфер общественной жизни посредством нормативных правовых актов.

Вопрос о применении пытки оказался точкой схождения западного правового опыта и российских администраторов. По-видимому, это было продиктовано осознанием в российском правовом дискурсе раннего Нового времени проблемности данного следственного действия. Предложения Э. Кромпейна об ограничении и систематизации применения пытки посредством концепции «при-

знаков» оказались удачным решением, которое было принято. Таким образом, рецепция западного правового опыта происходила легче в тех областях, где положения западной правовой мысли находили точки соприкосновения с релевантным опытом российских чиновников. В то же время со стороны разработчиков проекта заметна тенденция вдумчивого и осторожного заимствования – стремление опереться на действующие российские нормы права там, где это было возможно.

Список источников

1. Акельев Е.В., Бабкова Г.О. «Дабы розыски и пытки могли чинитьца порядочно, как указы повелевают»: Эволюция теории и практики розыскного процесса в России первой половины XVIII в. // *Cahiers du Monde russe*. 2012. Vol. 53. № 1. Р. 15 – 39.
2. Артикул воинский купно с процессами. СПб., 1756. 231 с.
3. Бабкова Г.О. «Осторожно в пытках поступать»: предложения по реформированию следствия и уголовного процесса в законопроектах 1720-х гг. // История государства и права. 2017. № 24. С. 14 – 20.
4. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. 602 с.
5. Замуруев А.С. Работы разных лет. Псков, 2006. 608 с.
6. Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст. Историко-юридическое исследование. СПб., 1887. Т. 1. 607 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. СПб., 1830. Т. I. № 1. С. 1 – 161.
8. РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 10. Ч. 1.
9. РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 33. Ч. 2.
10. Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. 603 с.
11. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009. 488 с.
12. Серов Д.О. «У сочинения Уложенья российского со швецким быть...»: Уложенная комиссия 1720 года и ее труды // Институты государства и права в их историческом развитии. Сборник научных статей к 60-летию Владимира Алексеевича Томсина. М., 2012. С. 139 – 160.
13. Серов Д.О. Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжеб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // *Lex russica*. 2013. № 2. С. 113 – 121.
14. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000. 224 с.
15. Сперанский М.М. Обозрение исторических сведений о Своде законов. Составлено из актов, хранящихся во II-м Отделении Собственной Его императорского Величества канцелярии. Одесса, 1889. 55 с.
16. Суд и следствие в России XVIII века. Проект «О процессе в криминальных или розыскных, пыточных делах» М., 2023. 320 с.
17. Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. 342 с.

References

1. Akel'ev E.V., Babkova G.O. "So that searches and torture could be carried out decently, as the decrees command": The evolution of the theory and practice of the investigative process in Russia in the first half of the 18th century. *Cahiers du Monde russe*. 2012. Vol. 53. No. 1. P. 15 – 39.
2. Military article together with processes. St. Petersburg, 1756. 231 p.
3. Babkova G.O. "Proceed with caution in torture": proposals for reforming the investigation and criminal procedure in the bills of the 1720s. History of the state and law. 2017. No. 24. P. 14 – 20.
4. Legislative acts of Peter I. Moscow; Leningrad, 1945. Vol. 1. 602 p.
5. Zamuruev A.S. Works of Different Years. Pskov, 2006. 608 p.
6. Latkin V.N. Legislative Commissions in Russia in the 18th Century. Historical and Legal Research. St. Petersburg, 1887. Vol. 1. 607 p.
7. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection. St. Petersburg, 1830. Vol. I. No. 1. P. 1 – 161.
8. RGADA. F. 342. Op. 1. D. 10. Part 1.

9. RGADA. F. 342. Op. 1. D. 33. Part 2.
10. Sedov P.V. The Decline of the Muscovite Kingdom: The Tsar's Court at the End of the 17th Century. St. Petersburg, 2006. 603 p.
11. Serov D.O. The Judicial Reform of Peter I: Historical and Legal Research. Moscow, 2009. 488 p.
12. Serov D.O. "The Composition of the Russian and Swedish Ulozhenie Will Be...": The Ulozhenie Commission of 1720 and Its Works. Institutions of State and Law in Their Historical Development. Collection of Scientific Articles for the 60th Anniversary of Vladimir Alekseevich Tomsinov. Moscow, 2012. P. 139 – 160.
13. Serov D.O. Forgotten Versions of the Military Articles and the "Brief Description of Processes or Legal Proceedings" (from the History of the Codification of Military Legislation in Russia in the 18th Century). Lex Russica. 2013. No. 2. P. 113 – 121.
14. Smirnov A.V. Models of Criminal Procedure. St. Petersburg, 2000. 224 p.
15. Speransky, M.M. Review of Historical Data on the Code of Laws. Compiled from Acts Kept in the Second Section of His Imperial Majesty's Chancellery. Odessa, 1889. 55 p.
16. Trial and Investigation in 18th-Century Russia. Project "On the Trial in Criminal or Investigative, Torture Cases." Moscow, 2023. 320 p.
17. Telberg, G.G. Essays on Political Trials and Political Crimes in the Muscovite State of the 17th Century. Moscow, 1912. 342 p.

Информация об авторе

Кушков Е.А., Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

© Кушков Е.А., 2025